

УРСУЛА ЛЕ ГУИН

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

Санкт-Петербург

Мир Роканнона

Пролог ОЖЕРЕЛЬЕ

Как в мире, невероятно далеком от нашего, отличить сказку от реальности? Ведь мы не знаем даже названий многих планет, обитатели которых говорят просто: «Это наш мир». И в мире этом еще нет науки Истории, здесь прошлое лишь объект мифа, здесь инопланетный исследователь, вернувшись через несколько лет, обнаруживает, что успел стать для местных жителей богом. Здесь разум еще спит, и когда мы, явившись на своих невероятно быстрых космических кораблях, пытаемся принести сюда свет знаний наших миров, в неверном еще свете этом начинают бурно расти, точно сорняки в поле, сумеречные суеверия и разнообразные преувеличения.

Пытаясь рассказать историю одного ученого из Лиги Миров, отправившегося в такой вот безмянный и мало еще исследованный мир, чувствуешь себя археологом среди древних руин: то приходится с трудом продирается сквозь сплетение веток, листьев и лиан, поглотивших развалины; то тебе вдруг попадается идеальное с точки зрения геометрии колесо или до блеска отполированный угловой камень дивного строения; то мелькнет перед тобой раскрытая дверь, а за ней, в полутьме — теплое мерцание очага, блеск драгоценного камня, едва заметный взмах женской руки...

Как отличить действительность от мифа, как отличить одну истину от другой?

Вся жизнь Роканнона озарена была мимолетной вспышкой синего огня, заключенного в старинном ожерелье. Что ж, с этого мы, пожалуй, и начнем.

Восьмой галактический сектор, № 62, система Фомальгаут-II.

Обнаружены Формы Высокоразвитого Интеллекта (ФВИ). Контакт состоялся со следующими представителями:

1. а) Гдемьяр (единственное число — гдем): интеллект высоко развит; гуманоиды, ведущие ночной образ жизни; троглодиты, обитают

в пещерах; рост 120–135 см, кожа светлая, волосы темные. Социальное устройство: в момент Контакта их общество имело жесткую олигархическую структуру; гдемьяр проживают главным образом в городских общинах, скрепленных частичной телепатией (в пределах данной конгломерации). Культура: начало железного века, ориентация на технологическое развитие. В 252–254 гг. Лига искусственно подняла уровень их развития до Индустриального-С. В 254 г. олигархам Кириенского побережья был подарен автоматически пилотируемый корабль, способный совершать полеты Фомальгаут — Новая Южная Джорджия (и обратно). Статус С-прим.

б) Фийя (единственное число — фийян): интеллект высоко развит; гуманоиды; ведут обычный, дневной образ жизни; средний рост 130 см, волосы чаще всего светлые, кожа тоже светлая. Насколько можно судить по беглым наблюдениям во время Контакта, живут сельскими общинами и номадами, внутри которых отмечена частичная телепатическая связь. Также вполне возможна некоторая способность к телекинезу. К технологическому развитию, по всей видимости, не склонны; избегают контактов, внешние признаки культурного развития удалось выявить недостаточно. В настоящее время обложение фийя налогами представляется невозможным. Предположительно Статус Е.

2. Лийяр (единственное число — лиу): интеллект высоко развит; гуманоиды; дневной образ жизни; средний рост более 170 см; классовое феодальное общество, устроенное по принципу «замок — деревня»; культура — бронзовый век (без тенденции к дальнейшему развитию), героический эпос. Примечание: два «горизонтальных» псевдоподвида: а) ольгьяр (единственное число — ольгья), или «низкорослые», — светлокожие и темноволосые; б) ангьяр (единственное число — ангья), или «повелители», — очень высокие, темнокожие и светловолосые...

— Вот она, — сказал Роканнон, заглянув в карманный «Краткий словарь ФВИ», и указал на очень высокую темнокожую женщину с золотистыми волосами, уложенными короной надо лбом. Застыв посреди длинного зала, она неотрывно смотрела на какой-то экспонат под стеклом, а возле нее неловко переминались с ноги на ногу четыре карлика, довольно-таки неприятные на вид.

— Вот уж не знал, что в системе Фомальгаут-II, кроме тех троглодитов, есть еще какие-то народы, — откликнулся Кето, хранитель музея.

— Я тоже не знал. А там, оказывается, есть еще и много таких, чье существование, как гласит словарь, «пока не подтверждено». Их пока

никто из исследователей даже не видел. Пора, пора заняться этой планетой повнимательней! Что ж, теперь мы, по крайней мере, знаем, откуда она.

— Хорошо б еще узнать, кто она такая!..

Она была из старинного королевского рода, потомок первых правителей ангьяр, однако семья ее обеднела, и в наследство Семли досталось лишь золото прекрасных волос, сиявших ясным немеркнущим светом. Маленькие фийя почтительно склонялись перед ней, когда она босиком носилась по полям — легконогое дитя народа ангьяр с пышной и яркой, точно комета, гривой светлых волос, развевавшихся на ветру Кириена.

Она была еще совсем девочкой, когда Дурхал Халланский увидел ее, влюбился, сделал своей женой и увез из полуразрушенного замка, где гуляли сквозняки, к себе в Халлан. В Халлане, построенном высоко на горе, тоже было не слишком уютно. Впрочем, Семли с детства привыкла к тому, что окна в замке без стекол, каменные полы не застелены коврами, а зимой по утрам под каждым окном наметает полоску снега. Юная жена Дурхала бесстрашно ступала босыми узенькими ступнями на ледяной пол и, со смехом поглядывая в серебряное зеркало на мужа, принималась заплетать и укладывать в сложную прическу пламень своих волос. Зеркало это, висевшее на стене их спальни, да свадебное платье матери Дурхала, расшитое тысячами крошечных прозрачных бисерин, составляли все их богатство. Хотя даже среди обитателей замка кое у кого из родичей Дурхала, куда менее знатных, чем он, сундуки были полны богато расшитой одежды, имелась и позолоченная мебель, и серебряная упряжь, и прекрасные доспехи, и мечи в серебряных ножнах, и множество драгоценностей — все это не слишком нравилось жене молодого Дурхала, но она с завистью посматривала на усыпанную самоцветами диадему или золотую брошь, даже если владелица их почтительно уступала ей дорогу, склоняя голову перед благородством и величием ее рода и рода ее супруга.

Четвертыми от трона правителя Халлана сидели во время трапез Дурхал и жена его Семли — так близко от старика, что он нередко сам наливал Семли вино, беседуя со своим племянником и наследником Дурхалом об охоте; старый Хозяин Халлана поглядывал на юную пару любовно, хотя и мрачновато: самому ему уже надеяться было не на что. Впрочем, многие обитатели Халлана, да и Западных Земель, вообще почти перестали уповать на будущее — с тех пор, как в их мире появились Властелины Звезд со своими странными летающими домами, испускавшими столбы огня, и со своим ужасным оружием, что в один миг сравнивало с землею холмы. Властелины Звезд

нарушили все древние военные законы, не соблюдали установленно-го перемирия и опозорили ангьяр данью — пусть небольшой! — обязав их платить ее во имя какой-то войны с неведомым врагом, притаившимся якобы между звезд, на дальнем конце времен. «Это будет и ваша война», — твердили ангьяр Властелины Звезд, однако уже много лет ангьяр не вели вообще никаких военных действий, не производили набегов, а проводили время в праздности, сидя в парадных залах своих замков и глядя, как ржавеют их мечи; и сыновья их вырастали, так и не нанеся порой ни одного удара врагу, а дочери вынуждены были выходить замуж за бедняков, даже за «низкорослых», ибо у них не было достойного приданого, добытого их отцами и братьями в героическом бою. Печально глядел старый правитель Халлана на золотоволосую пару, слушая, как Семли и Дурхал шутят и смеются, прихлебывая горьковатое вино в холодном, величественном, однако сильно обветшавшем уже парадном зале замка, издавна принадлежавшего их роду.

Семли мрачнела лишь тогда, когда видела сидевших на куда менее почетных, чем у нее, местах всяких «полукровок» и «низкорослых», в темных волосах и на белой коже которых сверкали драгоценные камни. Сама она в приданое не получила даже серебряной заколки для волос. А расшитое бисером платье — подарок матери Дурхала — сразу после свадьбы спрятала в сундук: подарит дочери, если у нее когда-нибудь родится девочка.

И у них действительно родилась дочь, и они назвали ее Хальдре, и вскоре золотистый пушок на темнокожей головке малышки превратился в роскошь золотых кудрей — иным золотом Хальдре владеть, видно, было уже не суждено...

Семли не рассказывала мужу о своих страданиях. Дурхал был с нею очень нежен и мягок, однако в гордости своей испытывал лишь презрение к зависти и суетным, тщеславным желаниям, и Семли боялась, что он ее осудит. Зато она могла поговорить об этом с Дуроссой, сестрой Дурхала.

— Когда-то у нас в семье из поколения в поколение передавалось дивное сокровище, — сказала она. — Золотое ожерелье с огромным синим самоцветом — по-моему, это был сапфир.

Дуросса только плечами пожала и улыбнулась. Она тоже плохо разбиралась в драгоценных камнях. Стояло теплое лето, точнее, конец того периода, который северные ангьяр называют летом, — самая приятная часть долгого, восьмисотдневного года, начало которого отмечалось во время равноденствия. Семли такое летоисчисление казалось чуждым; она считала, что его выдумали здешние «низкорослые». На ней ее род кончался; родственники тоже не имели наследников мужского пола, однако Семли знала, что происходит из куда

более благородной семьи, чем любая из здешних; жители этих заболоченных равнин слишком часто вступали в браки с «низкорослыми», и Семли их осуждала. Она сидела сейчас рядом с Дуроссой на залитой солнцем широкой скамье перед окном. Покои Дуроссы находились в Большой Башне, высоко над землей. Дуросса овдовела совсем молодой, детей у нее не было, и ее выдали замуж второй раз — за собственного дядю, брата ее отца, бывшего правителем Халлана. Поскольку брак был родственным и вторым для обеих сторон, Дуросса не получила титула Хозяйки Халлана, который в будущем должна была получить Семли. Но на троне сидела рядом с мужем и вместе с ним управляла его владениями. Дурхал был ее младшим братом, и она без памяти любила его молодую жену и очаровательную светловолосую дочурку.

— За это ожерелье заплатили всем, что получил мой предок Лейнен, когда завоевал Южные Владения, — мечтательно продолжала Семли. — Огромную сумму — стоимость целого королевства! — за одно украшение. Ты только подумай! Ах, оно, несомненно, затмило бы блеск всех украшений за столом Халлана! Даже те красивые камешки, похожие на яйца птиц кооб, которые носит твоя двоюродная сестра, рядом с ним померкли бы. Оно было так прекрасно, что даже имя получило — его называли «Око моря». Моя прабабушка еще успела его поносить...

— А ты никогда его не видела? — спросила Дуросса, лениво поглядывая на раскинувшиеся внизу зеленые склоны гор, овеваемые жаркими беспокойными ветрами долгого, долгого лета. Ветры бродили по зеленым лесам, а потом по белым дорогам туманов уносились к далеким морским берегам.

— Нет. Оно пропало еще до моего рождения. Хотя нет, не пропало. Отец говорил, что его украли — еще до того, как в нашем мире появились эти Властелины Звезд. Вообще-то, он говорить об этом не любил, но у нас в замке была одна старуха из «низкорослых», у которой голова была битком набита всяческими историями, так вот она мне всегда твердила, что фийя-то уж точно знают, где это ожерелье.

— Хотелось бы мне на этих фийя поглядеть! — воскликнула Дуросса. — О них столько песен и всяких легенд сложено! Интересно, почему они никогда не появляются в Западных Землях?

— Наверное, здесь слишком высоко, да и холодновато для них, особенно зимой. А они очень любят солнце — вот и живут в южных долинах.

— А на «глиняных» они похожи?

— Я «глиняных» сама ни разу не видела; у нас, на юге, они стараются держаться подальше от ангьяр. По-моему, они похожи на ольгьяр — такие же светлокожие, — только куда безобразней. А фийя

светловолосые и похожи на детей, только еще меньше и тоньше, но куда мудрее. Интересно, а вдруг они и правда знают, где это ожерелье и кто его украл? Ты только представь, Дуросса: я захожу в парадный зал Халлана и сажусь рядом со своим мужем, а на шее у меня прекрасное ожерелье, стоимостью в целое королевство! Да я бы всех женщин сразу затмила, как мой супруг затмевает всех других мужчин!

Но Дуросса, склонившись к малышке, что сидела на звериной шкуре у ног матери и тетки и внимательно изучала собственные ножонки с крохотными пальчиками, лишь вполголоса пробормотала, словно обращаясь к девочке:

— Семли у нас совсем глупенькая, верно? Краса ее сверкает, точно падающая звезда, и мужу ее никакого золота не нужно, кроме золотых ее волос...

Но Семли, скользя взглядом по зеленым, нагретым летним солнцем склонам гор и в мечтах уносясь к морю, возражать ей не стала.

Миновала еще одна зима, и снова явились Властелины Звезд, собирая дань для своей непонятной бесконечной войны, — на этот раз они привели с собой в качестве переводчиков двух отвратительного вида «глиняных», и ангьяр, чувствуя себя бесконечно униженными, были настолько этим возмущены, что чуть не восстали. Потом снова настало лето, и прошло, и Хальдре подросла и стала прелестной маленькой болтушкой, и однажды утром Семли принесла девочку в залитые солнцем покои Дуроссы в Большой Башне и сказала:

— Присмотри, пожалуйста, за Хальдре, Дуросса. — Она была одета в старенький синий плащ, а золотые волосы ее скрывал капюшон. Говорила и двигалась она, пожалуй, чересчур торопливо, но лицо ее было спокойно. — Меня всего несколько дней не будет. Присмотришь? Я на юг собралась, в Кириен.

— К отцу?

— Нет, хочу отыскать свое наследство. Двоюродные братья Дурхала насмеются над ним. Даже этот «полукровка» Парна из Харгета считает, что имеет на это право! А все потому, что у его жены есть атласное покрывало и бриллиантовая сережка в ухе, да нарядных платьев целых три штуки, хотя физиономия у этой черноволосой потаскухи точно из сырого теста! Тогда как жене благородного Дурхала приходится на свое единственное платье заплатки ставить...

— Разве Дурхалу важно, что надето на его жене, которой он так гордится?

Но Семли будто не слышала.

— Правители Халлана выглядят теперь беднее собственных гостей! Нет, я непременно принесу своему мужу и повелителю такое приданое, какое подобает женщине из моего рода!

— Опомнись, Семли! А брат мой знает, куда ты собралась?

— Скажи ему только, что я скоро вернусь и все будет хорошо, — сказала, смеясь, юная Семли, быстро наклонилась, поцеловала дочь и, прежде чем Дуросса успела еще что-то сказать, повернулась и полетела прочь по залитым солнцем каменным плитам пола.

Замужние женщины ангъяр ездили верхом лишь при необходимости, и Семли, выйдя замуж, так ни разу и не покидала замка Халлан; так что теперь, садясь в высокое седло, она вновь почувствовала себя девчонкой с буйным нравом, носившейся некогда вместе с северными ветрами над полями Кириена верхом на полудиких крылатых хищниках. Тот Крылатый, что сейчас уносил ее с высот Халлана, был породистым, могучим зверем с полосатой лоснящейся шкурой и зелеными глазами, жмурившимися от сильного ветра. Его широкие легкие крылья то закрывали, то снова приоткрывали перед Семли раскинувшиеся внизу холмы и облака над ними.

На третье утро она добралась до Кириена. Вновь перед ней были знакомые полуразрушенные стены, и отец ее, пивший всю ночь, как всегда, злился, что солнце, пробиваясь сквозь дыры в кровле, мешает ему спать. При виде дочери он рассердился еще больше.

— Ты зачем это сюда явилась? — прорычал он, стараясь спрятать взгляд опухших от пьянства глаз. Когда-то золотистые, а теперь отвратительно седые, тусклые пряди его волос стояли на черепе дыбом. — Разве этот юнец из Халлана — не муж тебе, что ты домой притащилась?

— Дурхал мне муж, и пришла я за своим приданым, отец.

Пьяница только пробурчал что-то, но она так весело и необидно рассмеялась, глядя на него, что он и сам невольно скривил рот в улыбке и поднял на нее глаза.

— Скажи, отец, это правда, что ожерелье «Око моря» украли фийя?

— Мне-то откуда знать? Сказки все это. А эта штукавина исчезла еще до того, как я родился. Впрочем, лучше б мне и вовсе не родиться! А ты, коли хочешь, самих фийя спроси. Ступай, ступай к ним. Или к мужу возвращайся. Только меня в покое оставь. Тут, в Кириене, не место для девиц, для золотых украшений и прочей чепухи. Кириену теперь конец; здесь и так одни развалины остались, в парадном зале ветер гуляет. Все сыновья Лейнена мертвы, все их сокровища пропали, все, все прахом пошло... Ступай своей дорогой, девочка.

Седой, опухший, похожий на тех пауков, что селятся в заброшенных жилищах, он потащился к подвалу, где, видно, прятался от света дня.

Ведя за собой крылатого зверя, вышла Семли из старого своего дома и побрела вниз по крутому склону холма, мимо деревни ольгъяр, которые хоть и поглядывали на нее сердито, но кланялись до-

вольно почтительно. На пастбище паслись полудикие Крылатые с подрезанными крыльями. Семли спустилась в веселую, точно расписная миска, долину, до краев наполненную солнечным светом. Деревня фийя была на самом дне этой «миски», и маленькие хрупкие фийя уже выбегали из домов и садов навстречу Семли, осторожно ведущей в поводу своего зверя; фийя смеялись и радостно приветствовали ее тоненькими, еле слышными голосами:

— Рады видеть тебя, супруга молодого Дурхала, наследница Халлана, правительница Кириена! Здравствуй, Семли Золотоволосая! Здравствуй, Оседлавшая Ураган!

Они называли Семли всякими ласковыми прозвищами, и ей это было приятно, и ее совсем не раздражал их бесконечный смех, потому что смеялись они надо всем, в том числе и над собой. Она и сама была похожа на них — такая же веселая и смешливая. Только сейчас она высилась посреди их деревни в своем синем плаще, а фийя скакали вокруг, образуя маленькие водовороты, точно ручей у запруды.

— Приветствую вас, Солнечный Народ! Здравствуйте, фийя, друзья мои!

Они повели ее в один из своих воздушных домиков; множество крохотных ребятишек бежало следом. Возраст взрослого фийяна определить невозможно. Порой трудно даже сразу отличить одного от другого — так быстро они мелькают вокруг, точно мотыльки, собравшиеся на свет свечи. Семли даже казалось, что она разговаривает со всеми разом, а не с кем-то одним, хотя это было совсем не так. Видимо, разговаривал с ней все же кто-то один, а остальные кормили и ласкали ее Крылатого, тащили ей фрукты из своих садов и холодную родниковую воду и вообще всячески старались ей угодить.

— Никогда! — воскликнул тот фийян, которому она задала свой вопрос. — Никогда не крали фийя ожерелья, принадлежавшего правителям Кириена! Да и что фийя стали бы делать с золотым украшением, госпожа моя? Летом у нас есть золото солнца, а зимой — воспоминания о нем. А еще у нас есть золотые плоды и золотая листва, когда лето сменяется зимою, и золотистые волосы нашей госпожи Семли из Кириена. Разве нужно нам что-то еще?

— Так, может, его «низкорослые» украли?

Долго звенел после этих ее слов легкий смех фийя.

— Да разве они осмелятся? О, правительница Кириена! Никто не знает, как пропало знаменитое ожерелье, — ни ангьяр, ни ольгьяр, ни фийя, ни один из Семи Народов. Лишь мертвые могут помнить, как это случилось в давние времена, когда Кирли Гордый, прадед нашей Семли, гулял в одиночестве по берегу моря близ пещер... Но, может, оно и найдется еще у Тех, Кто Ненавидит Солнце.

— У «глиняных»?

Снова зазвенел смех фийя, только на сей раз какой-то нервный.

— Сядь с нами, Семли, солнцезолосая, вернувшаяся к нам с севера, поешь! — И она села с ними за стол, и ей было приятно их легкое гостеприимство, а они радовались ее искренней приветливости, но стоило ей снова заговорить о том, что если ожерелье у «глиняных» в пещерах, то она пойдет к ним и заберет свое наследство, как смех фийя начал стихать, а сами они, один за другим, стали как-то незаметно исчезать из-за стола, пока рядом с Семли не остался только один — тот, с кем она говорила до начала этого веселого застолья.

— Не ходи к «глиняным», Семли, — сказал он, и на мгновение сердце у нее будто остановилось, а вокруг все потемнело — это фийян в ужасе медленно прикрыл глаза своею тонкой рукой. И сразу яркие сочные плоды на деревянном блюде показались ей серыми, будто пепельными, а родниковая вода исчезла из всех сосудов.

— Далеко-далеко в горах разошлись некогда наши пути, — продолжал хрупкий собеседник Семли. — Да, фийя и гдемьяр давно расстались, хотя были вместе куда дольше. Ведь в гдемьяр есть то, чего нет в нас, фийя. А то, что есть в нас, им совершенно несвойственно. Подумай о солнечном свете, о зеленой траве, о дающих плоды деревьях, Семли. Подумай, что не все дороги, что ведут вниз, могут привести и наверх.

И фийян поклонился ей, чуть усмехнувшись.

За околицей деревни Семли вновь оседлала своего Крылатого и, громко крикнув «Прощайте!» провожавшим ее фийя, полетела, гонимая полуденным ветром, к скалистым берегам Кириенского моря, где жили в своих пещерах «глиняные».

Ее мучил страх — вдруг придется самой идти вглубь этих пещер, потому что гдемьяр не захотят выходить к ней? Говорят, они боятся не только солнечного света, но даже и лунного, даже свет Большой Звезды им неприятен... Путь ее был долог; лишь раз опустила она на землю Крылатого, чтобы зверь поохотился на древесных крыс. Сама же Семли удовольствовалась куском хлеба из седельной сумы. Хлеб совсем зачерствел и пахнул кожей, но вкус у него пока еще был хлебный, домашний, и она, сидя в одиночестве на лесной поляне, вдруг будто снова оказалась в зале Халлана, услышала негромкий спокойный голос Дурхала, увидела перед собой его лицо, освещенное горящими свечами, и так живо вспомнила она его, такого решительного, живого и молодого, что сразу представила себе, как вернется домой с ожерельем на шее, цена которому — целое королевство, и скажет: «Господин мой, я хотела преподнести тебе такой дар, который был бы тебя достоин...» И сразу же вскочила, заторопилась, позвала Крылатого и вновь устремила в путь, но, когда она достиг-

ла наконец морского побережья, солнце уже село, и в небе зажглась Большая Звезда. С запада подул неприятный ветерок, холодный, порывистый, а Крылатый уже и без того смертельно устал, так что Семли позволила зверю опуститься на песок, и он сразу сложил крылья и свернулся клубком, поджав под себя свои пушистые, покрытые светлой шерстью лапы и довольно урча. Семли стояла рядом, одной рукой придерживая у горла плащ, а другой — нежно поглаживая крылатого кота, так что он прижал уши и замурыкал, точно домашняя кошка. Прикосновение к теплой шерсти зверя успокаивало, однако вокруг было лишь серое, покрытое клочьями облаков небо да серое море, вдоль которого тянулась темная полоска берега. Потом она разглядела, что по этой темной полоске скользнуло какое-то почти сливающееся по цвету с песком невысокое существо... потом еще одно... потом сразу несколько. Существа перебежали с места на место, то и дело останавливаясь и присаживаясь на корточки.

Семли громко окликнула их. Ей показалось сперва, что они ее не расслышали, однако через минуту они уже окружали ее плотным кольцом, хотя от Крылатого старались держаться подальше. Зверь, впрочем, тоже перестал мурлыкать, и Семли почувствовала, как под ее рукой шерсть у него на загривке встала дыбом. Она взяла его под уздцы — приятно было чувствовать, что у нее есть такой могучий защитник, но она опасалась, что свирепый зверь может разнервничаться, и тогда его не удержишь. Странные существа вокруг точно вросли в песок — стояли, не шевелясь, и молча ее разглядывали. Ноги у них были короткие, толстые. Нет, она не ошиблась: это были они, «глиняные», — одного роста с фийя, да и во всем остальном чем-то их напоминающие, как напоминает порой человека его неуклюжая черная тень. Семли вспомнила звонкие голоса и смех легконогих хрупких фийя... Эти же коротышки были какие-то квадратные, совсем нагие, малоподвижные, с прямыми черными волосами и отвратительной, влажной и ноздреватой кожей — похожие на жирных личинок. Глаза у них были застывшие, как камни.

— Это вы — «глиняные»?

— Мы народ гдемьяр, мы жители царства Ночи. — Из тьмы вместе с ветром и запахами моря до нее донесся неожиданно звучный и низкий голос; но, как и в деревне фийя, Семли не сразу поняла, кто именно сказал это.

— Приветствую вас, Хозяева Ночи. Я Семли из Кириена, жена Дурхала из Халлана. А к вам явилась в поисках своего наследства — ожерелья «Око моря», которое давным-давно кто-то похитил.

— Так почему же ты ищешь его здесь, женщина из народа ангьяр? Здесь ты найдешь только ночь, да песок, да соль морскую.

— А потому, — отвечала Семли, готовая к словесному поединку, — что вещи порой заваливаются в разные трещины и ямки, да и золото, как известно, частенько стремится снова вернуться в землю, из которой пришло. А еще говорят, что созданное всегда ищет своего создателя. — Она не слишком надеялась на удачу, однако ее уловка сработала.

— Ты права; мы знаем об «Оке моря». Это ожерелье когда-то сделано было в наших пещерах. Но потом мы продали его ангьяр. И синий камень добыт тоже гдемьяр — на востоке наших владений. Но только все это было очень, очень давно, ангья. И этих историй почти никто не помнит.

— Нельзя ли мне поговорить с теми, кто еще помнит их?

Коротышки примолкли, будто в сомнении. Ветер затягивал серой мглой песчаный берег и Большую Звезду в небесах; море звучало то громче, то тише. Снова послышался тот же надменный звучный голос:

— Да, госпожа моя. Ты можешь войти в наши подземные дворцы. Пойдем. — В голосе отчего-то появились странные вкрадчивые нотки, но Семли решила об этом не задумываться и смело пошла следом за «глиняными», ведя на короткой сворке крылатого зверя с острыми когтями.

Вход в пещеру зиял, точно беззубый рот зевнувшего старца; оттуда тянуло затхлым запахом жилья. Кто-то из гдемьяр сказал Семли:

— А летающего кота, госпожа моя, оставь здесь.

— Нет, он пойдет со мной, — возразила она.

— Нельзя! — хором сказали «глиняные».

— Можно. Здесь я его не оставлю. Не могу я его оставить — он не мой. И вас он не тронет, я ведь крепко его держу.

— Нельзя! — снова прогудели «глиняные»; потом кто-то из них сказал: — Ну ладно, как пожелаешь, — и гдемьяр снова двинулись вглубь пещеры. Казалось, пещера захлопнула свою пасть у них за спиной — так темно вдруг стало под этими каменными сводами. Семли шла последней, замыкая длинную вереницу гдемьяр, которые вели ее куда-то по длинному и узкому туннелю.

Наконец впереди забрезжил свет, и она увидела, что с потолка свисает белый, слабо светящийся шар, а дальше еще один, и еще, и между ними, извиваясь, точно черви, протянулись длинные черные шнуры. Чем дальше они шли, тем короче становились расстояния между светящимися шарами, и наконец весь туннель оказался залит белым холодным сиянием.

Провожатые Семли остановились на перекрестке трех туннелей, в конце каждого из которых виднелась дверь, сделанная, похоже, из железа.

— Здесь нужно подождать, ангья, — сказали «глиняные», и с ней остались восемь из них, а трое отперли одну из дверей и вошли внутрь. Дверь с лязгом захлопнулась за ними.

Прямая и неподвижная, стояла дочь народа ангьяр в белом слепящем сиянии ламп; Крылатый прилег у ее ног, раздраженно подрагивая хвостом и сложенными крыльями: ему явно хотелось поскорее убраться отсюда, и он с трудом подавлял это желание. «Глиняные», присев на корточки у Семли за спиной, о чем-то тихо переговаривались на своем языке.

Но вот отворилась центральная из трех дверей, и оттуда донесся совсем иной голос, звучавший хвастливо-торжественно:

— Пусть эта ангья войдет в царство Ночи!

На пороге появился какой-то гдем, такой же низенький, жирный и серый, но все же прикрывший свою наготу неким подобием одежды. Он поманил Семли к себе:

— Войди же. Полюбуйся чудесами царства Ночи — нашими **РУКОТВОРНЫМИ** чудесами, ибо все это плоды усилий народа гдемьяр!

Семли пригнула голову, крепко держа Крылатого за повод, и последовала за гдемом в низенький дверной проем, рассчитанный явно на этих карликов. Перед ней открылся очередной длинный туннель, залитый белым светом, отражавшимся от его влажных стен. По полу тянулись, насколько мог видеть глаз, какие-то длинные металлические полосы, на которых стояло нечто вроде повозки с металлическими же колесами. Повинуясь своему новому провожатому и ни секунды не колеблясь, Семли с невозмутимым лицом шагнула в повозку, заставив Крылатого улечься в ногах. Гдем тоже сел в повозку напротив нее и стал трогать какие-то ручки и колеса, потом послышался громкий лязг и скрежет металла по металлу, и стены туннеля качнулись и стали уплывать назад. Все быстрее и быстрее мелькали стены по обе стороны от повозки, светящиеся шары над головой слились в одну сплошную полосу, вонючий застойный воздух взметнулся вихрем, сдувая с головы Семли капюшон.

Наконец повозка остановилась. Провожатый, а за ним и Семли поднялись по базальтовой лестнице в обширный вестибюль, а затем прошли в огромный зал, стены которого были высечены в толще скал то ли подземными водами за долгие годы, то ли бесчисленными поколениями гдемьяр. Эти стены никогда не знали солнечного света; тьму здесь разгоняли сияющие холодным белым светом шары. За вделанными в стены решетками вращались огромные лопасти, перемешивая затхлый воздух. Все пространство огромного зала, казалось, заполнено было каким-то гулом и скрежетом — громкими голосами